

А.В. Круглов

**Вселенские учителя. Выпуск
III. Иоанн Златоуст**

Очерк жизни и деятельности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А11

А11 **А.В. Круглов**
Вселенские учителя. Выпуск III. Иоанн Златоуст: Очерк жизни и деятельности
/ А.В. Круглов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-518-06680-9

ISBN 978-5-518-06680-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Антиохія также выдавалась превосходнымъ устройствомъ правильнаго освѣщенія. Ночь отличалась отъ дня только качествомъ свѣта, и каждый по своему желанію могъ безъ затрудненій продолжать ночью и трудъ и удовольствія. Антиохія имѣла свою оградку богатыя селенія и, кромѣ того, цѣлый пригородъ Дафну, которымъ до такой степени гордились сирійцы, что обыкновенно самую столицу называли его именемъ—«Антиохіею при Дафнѣ». Императоръ Констанцій называлъ ее «столицей Востока».

Равнина, которая окружала городъ, изобиловала виноградниками, лавровыми и миртовыми рощами. Антиохія славилась пріятнымъ климатомъ.

Народонаселеніе Антиохіи простиралось до 200 тысячъ и состояло изъ римлянъ, грековъ, сирійцевъ евреевъ, арабовъ и др. Въ образовательномъ отношеніи Антиохія для Азіи являлась тѣмъ же, чѣмъ были для Европы Аѳины.

Христіанство рано распространилось въ Антиохіи. Здѣсь впервые раздалось евангельское благовѣстіе для языческаго міра; здѣсь въ первый разъ было произнесено самое имя христіанина, и здѣсь въ лоно зарождавшейся Церкви возникъ первый споръ о соблюденіи закона (обрѣзанія), который заставилъ ап. Павла въ «лицо противостать» ап. Петру. Христіанство, рожденное при ап. Павлѣ, окрѣпло и сформировалось въ знаменитую апостольскую Церковь. Антиохія имѣла у себя епископомъ св. Игнатія, извѣстнаго своими дивными предсмертными посланіями и мученической смертью въ Римѣ. Изъ 200 тысячъ жителей Антиохіи при Златоустѣ уже половина считалась христіанами, хотя, конечно, многіе изъ нихъ были христіане только «по видимости».

Родители Иоанна Златоуста, Анеуса и Секундъ, не были такими христіанами. Отецъ занималъ видный постъ военачальника. Онъ умеръ, когда Иоаннъ былъ еще ребенкомъ. На рукахъ молодой вдовы (ей было еще 21 годъ) осталось двое дѣтей: дочь и сынъ. Дѣвочка скоро умерла, и Анеуса вся отдалась воспитанію сына, котораго любила беззавѣтно и ради котораго отказалась отъ новаго замужества.

Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыми гордились христіане и которымъ удивлялись язычники. Именно по поводу Анеусы вырвалось восклицаніе у знаменитаго языческаго философа Ливанія: «Что за чудныя женщины у этихъ христіанъ!»

Да, такія женщины составляли украшеніе христіанскаго общества, и имъ не мало обязана Церковь. Ихъ истинная любовь, ихъ горячая ревность приносила добрые плоды. Онѣ для многихъ служили примѣромъ, поддержкою; онѣ воспитали и сохранили для Церкви тѣхъ, которые стали потомъ оплотомъ Церкви. Любовь Анеусы оберегала дѣтство Иоанна Златоуста и стояла на стражѣ

его юности. «Она забыла свою молодость, вся ея жизнь точно ушла въ жизнь сына. Она воспитала его душу; то, что дала ему любовь, осталось для него чистымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпалъ отраду и силу до конца своей жизни».

III.

Анеуса желала дать сыну хорошее образованіе. Вслѣдствіе распоряженія императора Юліана, въ христіанскихъ школахъ было запрещено преподаваніе высшихъ наукъ. Приходилось обратиться за научнымъ познаніемъ къ языческимъ учителямъ. Но, прежде чѣмъ отдать сына въ языческую школу, благочестивая Анеуса занялась его воспитаніемъ. Она поручила священнику преподавать начальныя уроки по Священному Писанію и сама читала съ мальчикомъ Библию, наставляя его бесѣдами въ христіанской нравственности, закрѣпляя все это примѣромъ своей христіанской жизни. Въ то же время отроку Іоанну, у котораго душа только что раскрывалась къ сознательному воспріятію впечатлѣній, пришлось быть свидѣтелемъ отчаянной борьбы язычества съ христіанствомъ. «Овладевъ императорскимъ престоломъ, Юліанъ сбросилъ съ себя маску лицемѣрнаго благочестія и открыто выступилъ врагомъ христіанства, ненависть къ которому давно таилась въ его душѣ. Повсюду онъ началъ поднимать разлагавшееся язычество и подавлять христіанство. Такъ какъ Антиохія была однимъ изъ главныхъ оплотовъ христіанства, которое тамъ имѣло славныхъ учителей и доблестныхъ исповѣдниковъ, то Юліанъ не преминулъ обратить свое вниманіе на этотъ очагъ ненавистной ему религіи и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить ее. Направляясь въ Антиохію, Юліанъ посѣтилъ ея предмѣстье Дафну, гдѣ былъ славившійся въ свое время храмъ Аполлона. Нѣкогда храмъ этотъ, съ окружавшей его священной рощей былъ мѣстомъ постоянныхъ языческихъ торжествъ, но теперь Юліанъ былъ пораженъ его пустотой. Даже жертвы не изъ чего было принести, и встрѣтившій его жрецъ долженъ былъ по случаю неожиданнаго торжества заколотъ своего собственнаго гуся. Эта картина глубоко поразила императора, тѣмъ болѣе, что тутъ же поблизости находившійся христіанскій храмъ, въ которомъ лежали мощи святаго Вавилы, оглашался священными пѣсноуѣніями и наполненъ былъ молящимися. Юліанъ не стерпѣлъ и приказалъ закрыть христіанскій храмъ и мощи изъ него удалить. Это несправедливое распоряженіе однако не подавило духа христіанъ. Они торжественно перенесли мощи, и когда совершалась эта величественная процессія, оглашавшая окрестности и улицы Антиохіи пѣніемъ псалма: «Да посрамятся кланяющіеся иступанамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ», то Юліанъ ясно могъ видѣть и многочислен-

ность христіанъ и ихъ восторженную преданность своей вѣрѣ. Тогда измѣняя своему спокойствію и лицемѣрной вѣротерпимости, онъ велѣлъ арестовать многихъ христіанъ, бросить ихъ въ тюрьму, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже приказалъ подвергнуть пыткѣ. Между тѣмъ небесный гнѣвъ разразился надъ идольскимъ капищемъ. Храмъ Аполлона былъ пораженъ ударомъ молніи и сгорѣлъ дотла. Ярость Юліана была безгранична, и онъ велѣлъ закрыть главный христіанскій храмъ въ Антиохіи, при чемъ престарѣлый пресвитерь его, св. Теодоритъ, отказавшійся выдать языческимъ властямъ священнѣйшія принадлежности храма, былъ преданъ мученической смерти. Одна знатная вдова Публія подверглась побоямъ за то только, что изъ ея дома послышалось пѣніе псалма: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его», въ то время, какъ мимо проходилъ Юліанъ. Двое изъ молодыхъ военачальниковъ изъ императорской гвардіи однажды въ товарищеской компаніи выразили жалобу на несправедливость правительства относительно христіанъ, и по доносу немедленно были арестованы, заключены въ тюрьму и, когда отказались перейти въ язычество, немедленно были обезглавлены; тѣла ихъ съ почестями были погребены христіанами. Давая волю своей ярости, Юліанъ дѣйствовалъ всеми способами, стремясь подавить христіанство. Онъ осмѣивалъ христіанство, облагалъ христіанъ большими налогами, конфисковалъ церковныя имущества, изгонялъ епископовъ и священниковъ, обходилъ христіанъ наградами и сквозъ пальцы смотрѣлъ на усердіе губернаторовъ, извѣстныхъ ненавистью къ христіанской вѣрѣ. Наконецъ, въ издѣвательство надъ христіанствомъ, онъ порѣшилъ возстановить въ Іерусалимѣ храмъ іудейскій, чтобы опровергнуть тѣмъ предсказаніе Іисуса Христа о его полномъ разрушеніи. Іоаннъ, какъ и его благочестивая мать, переживалъ много тревожныхъ дней во время этихъ гоненій. Можно даже думать, что онъ принималъ живое участіе въ погребеніи мучениковъ и проливалъ вмѣстѣ съ другими христіанами горчія слезы надъ обезглавленными трупами.

На шестнадцатомъ году Іоаннъ поступаетъ къ знаменитому учителю краснорѣчія, Ливанію, у котораго нѣкогда бралъ уроки и Василій Великій. Ливаній былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ чело-вѣкомъ своего времени. Сначала онъ училъ въ Константинополѣ, потомъ въ Асинахъ, и закончилъ свою дѣятельность и жизнь въ Антиохіи, гдѣ родился. Онъ относился къ христіанству свысока и, не питая къ нему ожесточенной вражды, не прочь былъ посмѣяться надъ ученіемъ «сына плотника». Посѣтивъ однажды христіанскую школу, гдѣ учителемъ былъ набожный христіанинъ, Ливаній съ ироніей спросилъ послѣдняго: «А что подблываетъ теперь сынъ плотника?» Учитель отвѣчалъ: «Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешь сыномъ плотника, въ дѣйствительности есть Господь и Творецъ»

неба и земли. Онъ,—добавилъ учитель,—строить теперь погребальныя дроги». Вскорѣ послѣ этого было получено извѣстiе о неожиданной смерти Юліана, который во время персидскаго похода, смертельно раненый, въ безумной ярости бросалъ къ солнцу комья грязи съ запекшейся своей кровью и въ предсмертномъ издыханіи воскликнулъ: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!» Ливаній, узнавъ о смерти Юліана, не могъ не привадуматься надъ отвѣтомъ христіанскаго учителя. Со свойственной замѣчательнымъ умамъ пронизательностью, Ливаній скоро оцѣнилъ выдающіяся способности своего ученика (какъ раѣе онъ отмѣтилъ среди своихъ слушателей Василія Великаго) и полюбилъ его какъ за блестящій умъ, такъ и за его благородное сердце. Ливаній обратилъ особенное вниманіе на даровитаго юношу, и этотъ послѣдній не терялъ даромъ времени, пользуясь благорасположеніемъ знаменитаго ритора. Успѣхи Іоанна были такъ быстры и поразительны, что Ливаній приходилъ въ восторгъ, постоянно хвалилъ своего талантливаго ученика, которому предсказывалъ блестящую будущность на адвокатскомъ поприщѣ. Желая отличить своего любимца въ ряду прочихъ, Ливаній однажды въ дружескомъ собраніи товарищей-учителей прочиталъ рѣчь Іоанна, вызвавшую восторгъ слушателей. Самъ Ливаній воскликнулъ при этомъ: «Счастливы императоры, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ столь удивительнымъ писателемъ!» Въ своей рѣчи юный Іоаннъ, по словамъ Ливанія, «съ искусствомъ судебного слова соединилъ силу ораторскихъ доказательствъ».

Изучивъ краснорѣчіе и греко-римскую литературу, Іоаннъ покинулъ школу Ливанія и занялся философіей, которую преподавалъ Андрафагій. И въ новой школѣ Іоаннъ обнаружилъ свой глубокой самостоятельный умъ, свою способность быстро усваивать изучаемое. Наставленія этого философа, по словамъ арх. Агапита, «много способствовали усовершенствованію въ Іоаннѣ наблюдательности, яснаго и вѣрнаго взгляда на предметы, чѣмъ отличаются его сочиненія».

Юный Іоаннъ держался просто и не любилъ роскоши. «Его одежда всегда была чистая и приличная его состоянію, но безъ роскоши и безъ всякой изысканности; никогда нельзя было замѣтить въ его движеніяхъ, въ его походкѣ и обращеніи съ другими желаніе выказать себя, что всегда служить признакомъ ума легкаго и человѣка неразумнаго. Тогда какъ нѣкоторые изъ его товарищей, вмѣстѣ съ нимъ учившихся, одни являлись въ училище верхомъ на лошади, богато убранной, другіе въ великолѣпныхъ колесницахъ, окруженные толпой слугъ или рабовъ, Іоаннъ приходилъ туда одинъ или въ сопровожденіи только слуги. Напрасно друзья его отца убѣждали его приобрѣсть экипажъ, приличный его рожденію и соотвѣтствующій его состоянію». «Я не хочу подчиняться

предубѣжденіямъ другихъ, — отвѣчалъ онъ, — я могу обойтись и безъ этихъ излишествъ; я не люблю ни блеска, ни роскоши, которой не можетъ одобрить ни разумъ, ни ученіе боговдохновенныхъ писателей. Слово Божіе говоритъ: «всякъ возносящійся смирится, а смирищійся вознесется».

Двадцатилѣтнимъ юношей Іоаннъ закончилъ свое школьное образованіе и сдѣлался адвокатомъ. Это сразу ввело Іоанна въ бурный круговоротъ жизни, и онъ сталъ «лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ неправды, обидъ, угнетеній, вражды и лжи, слезъ и злорадства, изъ которыхъ слагается обыденная жизнь людей». Адвокатская дѣятельность до нѣкоторой степени принесла пользу Іоанну, давши ему возможность познакомиться съ тѣми пороками, которые впослѣдствіи онъ такъ ярко изображалъ и такъ беспощадно преслѣдовалъ въ своихъ проповѣдяхъ. Но, съ другой стороны, эта свѣтская жизнь представляла и не мало опасности. Она открывала доступъ къ высшимъ должностямъ и увлекала своими удовольствіями. Молодой адвокатъ не избѣгалъ отчасти увлеченія свѣтскою жизнью. Онъ бывалъ въ театрахъ, въ циркахъ; но неиспорченная его натура возмущалась пустотою, которую многіе принимали за настоящую жизнь. Іоаннъ скоро увидѣлъ, какъ этотъ міръ съ его злобами, неправдами далекъ отъ того божественнаго идеала, который, по собственному любимому его выраженію, преподносился ему, когда онъ, «напоивъ свою душу изъ чистаго источника Св. Писанія, съ непорочнымъ сердцемъ вступилъ на поприще жизни». У Іоанна былъ другъ Василій, который оставался вѣренъ «истинному любомудрію». Этотъ другъ постоянно вліялъ на Іоанна и былъ отчасти виновникомъ благотворнаго переворота, который произошелъ въ Іоаннѣ, увлекшемся нѣсколько свѣтскою жизнью. Іоаннъ порѣшилъ бросить адвокатуру и посвятить себя на служеніе Богу. Другъ глубоко обрадовался этому рѣшенію и молился вмѣстѣ съ Іоанномъ, который горько оплакивалъ свое временное увлеченіе и благодарилъ Создателя, исторгшаго его изъ опасности вѣчной гибели. Іоаннъ снялъ съ себя свѣтскія одежды и одѣлся въ одежду чернаго цвѣта. Такая одежда была носима тѣми изъ христіанъ, которые обрекали себя на аскетическую жизнь. Іоаннъ заперся въ домѣ своей матери и посвятилъ себя всецѣло молитвѣ, чтенію Священнаго Писанія, при чемъ умерщвлялъ себя постомъ и бдѣніемъ, спалъ на голой землѣ. Принявъ святое крещеніе отъ епископа Мелетія, онъ въ 370 году былъ поставленъ чтецомъ. Въ это время Іоаннъ задумалъ отдаться подвигамъ монашества, къ чему уже давно склонялъ его Василій. Глубоко уважая мать, онъ не рѣшился поступить безъ ея родительскаго благословенія, но когда мать узнала объ его намѣреніи, то рѣшила воспрепятствовать поступленію сына въ монашество. Она была христіанка, но также и мать, горячо любившая сына,

который являлся для нея «радостью жизни». И вот, «когда моя мать,—разсказывает самъ Златоустъ,—узнала о моемъ намѣреніи, она безмолвно подошла ко мнѣ, взяла меня за руку и повела въ свою комнату; мы оба сѣли возлѣ той постели, на которой я былъ рожденъ, и она заплакала... Затѣмъ стала говорить слова еще печальнѣе слезъ. «Сынъ мой,—сказала она,—одно мое утѣшеніе въ эти долгіе одинокіе годы было смотрѣть на тебя, въ твоихъ чертахъ узнавать того, кого уже не было со мною. Съ самаго твоего младенчества, когда ты еще говорить не умѣлъ, въ ту пору жизни, когда дѣти наиболѣе даютъ радости, въ тебѣ одною я находила все мое утѣшеніе. Теперь прошу тебя объ одномъ—пожалѣй меня: не заставляй во второй разъ переживать ужасъ одиночества, снова проливать тѣ горькія, уже выплаканныя слезы! Подожди немного; быть-можетъ, я скоро умру—тогда поступай, какъ знаешь; а пока потерпи меня, не скучай пожить еще со мною; не обижай ту, которая никогда ничѣмъ не обидѣла тебя,—иначе ты прогнѣвишь Бога. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить больше спокойствія, чѣмъ я, потому что нѣтъ никого, кто бы заботился о твоёмъ благополучіи столько, сколько я». Златоустъ былъ тронутъ пламенными мольбами матери, и исполнилъ ея желаніе.

Оставшись въ міру, Іоаннъ отдался весь изученію Священнаго Писанія, бесѣдуя съ друзьями и преимущественно съ Василиемъ, съ которымъ онъ такъ сходилъ по настроенію своей души. Чтобы больше укрѣпиться духовно и сосредоточить свою мысль на возвышенныхъ предметахъ, онъ наложилъ на себя обѣтъ воздержанія, не позволяя себѣ никакихъ шутокъ, праздныхъ разговоровъ и этимъ накоплялъ въ себѣ духовныя силы, которыя понадобились ему впоследствии.

Гоненія на христіанство, свидѣтелемъ чего былъ Іоаннъ въ свои отроческіе годы, въ царствованіе Юліана Отступника, приняли нѣсколько другой характеръ при Валентѣ, который, какъ аріанинъ, преслѣдовалъ православіе. Епископъ Мелетій, пользовавшійся общей любовью, былъ осужденъ на изгнаніе и заточеніе. Этотъ неустрашимый защитникъ православія не соглашался ни на какія уступки въ угоду императору. Народъ, всегда умѣвшій защищать настоящаго пастыря, грозилъ убить чиновника, исполнявшаго волю царя. Но кроткій Мелетій, жившій по завѣту Христа, прикрылъ чиновника своей мантией и уговорилъ толпу не дѣлать ему никакого зла. Помимо Мелетія были изгнаны и многіе другіе православные іерархи. «Епископы, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, спѣшили замѣстить вакантныя каѳедры лицами, отличавшимися не однимъ только благочестивымъ житіемъ, но и мудростью въ словѣ, такъ какъ епископамъ православнымъ нужно было отражать ерети-

ческія заблужденія силою слова, вооруженнаго глубокимъ знаніемъ слова Божія и отчасти философією и діалектикою. Несмотря на уединенную и скромную жизнь Іоанна и Василія, слава о ихъ добродѣтеляхъ и дарованіяхъ распространилась далеко за предѣлы Антиохіи; поэтому епископами и предположено было возвести ихъ на упраздненныя кафедры. Друзья смутились, когда узнали о рѣшеніи епископовъ и начали совѣщаться, что предпринять въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Іоаннъ, узнавъ о колеблющемся согласіи Василія принять епископство, не хотѣлъ лишать Церкви такого достойнаго мужа, какимъ былъ Василій, и положилъ дѣйствовать къ его посвященію. Іоаннъ просилъ друга повременить рѣшеніемъ, которое подкажутъ обстоятельства; друзья разстались. Василій былъ убѣжденъ, что Іоаннъ также не уклонится отъ епископства. Въ назначенное время Василія вызвали въ засѣданіе собора и объявили ему рѣшеніе, касавшееся его Онъ согласился на принятіе сана. Но онъ былъ очень удивленъ и опечаленъ, когда узналъ, что Іоаннъ удалился въ пустыню, избѣгая посвященія». За это упрекали Іоанна многіе, въ томъ числѣ и самъ Василій. Но Іоаннъ оправдывался тѣмъ, что онъ считалъ себя не подготовленнымъ къ такому высокому отвѣтственному посту и не считалъ себя достойнымъ такого важнаго сана. Онъ удивлялся, какъ могли пастыри найти въ немъ, 27-лѣтнемъ юношѣ, такіе таланты, которые дѣлали бы его достойнымъ для занятія епископской кафедрой. По этому случаю Іоаннъ написалъ 6 бесѣдъ «О священствѣ», въ которыхъ выразилъ свой взглядъ на задачи и обязанности священника (не отдѣляя священника отъ епископа). «Читая эту книгу,—говоритъ архимандритъ Агапиль,—каждый чувствуетъ себя проникнутымъ чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ священству, понимаетъ, что священникъ не есть лицо обыкновенное, но существо отличное отъ другихъ, что онъ есть посредникъ между небомъ и землей, есть человѣкъ божественный. Это твореніе Златоуста съ самаго своего появленія до нашихъ временъ по своей полнотѣ сохраняетъ къ себѣ общее уваженіе. Эта книга во все времена доставляла великое утѣшеніе священникамъ, которые желали просвѣщаться точнымъ познаніемъ своихъ обязанностей и приносить обильные плоды на нивѣ своего служенія». Въ своихъ бесѣдахъ о священствѣ Іоаннъ между прочимъ говоритъ: «Когда требуются люди, могущіе управлять Церковью и взять на свое попеченіе столь многія души, пусть представятъ намъ тѣ герои, которые великою мѣрою превосходятъ всѣхъ другихъ и столько превышаютъ всѣхъ совершенствомъ души, сколько Саулъ превышалъ весь народъ еврейскій высотой тѣла, или еще гораздо болѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ великій апостолъ первый услышалъ повелѣніе пасти овецъ Христовыхъ и тотъ вопросъ, который предшествовалъ повелѣнію (Любишь ли мя

паче сихъ?), любовь ко Христу стала первымъ условіемъ пастырства, а само пастырство высшимъ ея выраженіемъ»... «Христіанамъ преимущественно передъ всѣми запрещается насиліемъ исправлять впадающихъ во грѣхи и законами намъ не дана такая власть и даже, если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться ею, такъ какъ Богъ награждаетъ тѣхъ, которые воздерживаются отъ пороковъ по доброй волѣ, а не по принужденію. Посему требуется много искусства для пастыря, чтобы страждущіе духовно убѣдились добровольно подвергнуться врачеванію и даже благодарили бы за это врачеваніе»... «Стадо идетъ во слѣдъ своего пастыря, куда онъ поведетъ его; если же какія овцы уклонятся отъ прямого пути, удалившись отъ хорошей пажити, ему слѣдуетъ только закричать сильнѣе, чтобы собрать ихъ; но если человекъ совратится съ пути правой вѣры, то священнику предстоитъ много трудовъ, усилій и терпѣнія. Человека нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать, но должно только убѣжденіемъ вернуть къ истинѣ, отъ которой онъ отпалъ. Посему для священника нужна душа мужественная, чтобы не ослабѣть, чтобы не отчаяться въ спасеніи заблуждающихся»... «Священнослуженіе совершается на землѣ, но починоположенію небесному. Посему священнодѣйствующему нужно быть столь чистымъ, какъ бы онъ стоялъ на самыхъ небесахъ посреди небесныхъ силъ»... «Люди, живущіе на землѣ, священники, поставлены распоряжаться небеснымъ и получили власть, которую не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ, ибо не симъ послѣднимъ, а пастырямъ сказано: елико аще свяжете на земли, будутъ связана на небесахъ; и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесахъ». «Что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ совершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка. Не значить ли это, что Онъ далъ имъ всю небесную власть? Имъ же отпустите грѣхи—отпустятся; и имъ же держите—держатся. Отецъ суть даде Сынови, а Онъ этотъ судъ вручилъ священникамъ. Какая власть можетъ быть больше этой?.. Священники для насъ суть тѣ мужи, которымъ вручено рожденіе духовное и возрожденіе крещеніемъ; черезъ нихъ мы облакаемся во Христа. Посему справедливо мы должны не только страшиться ихъ болѣе царей и влстителей, но и почитать болѣе отцовъ своихъ»... «Священникъ долженъ быть бодрствующимъ и осмотрительнымъ и имѣть множество глазъ со всѣхъ сторонъ, какъ живущій не для себя одного, а для множества людей. Мало научиться пренебрегать яствами и мягкимъ ложемъ; но переносить оскорбленія, клевету, язвительное слово, укоризну отъ начальниковъ могутъ не многіе. Можно видѣть, что люди крѣпкіе возмущаются этими неприяностями и свирѣпствуютъ. Такихъ нужно удалять отъ обители священства»... «Пастырь долженъ быть важнымъ и не гордымъ, суровымъ и благосклоннымъ,

властнымъ и общительнымъ, безпристрастнымъ и услужливымъ, смиреннымъ и не работѣннымъ, строгимъ и кроткимъ, чтобы онъ могъ удобно противостать всѣмъ препятствіямъ... «Священникъ долженъ имѣть душу чище лучей солнечныхъ, чтобы никогда не оставлялъ его безъ Себя Духъ Святой. Священникъ долженъ имѣть большую силу и твердость, чтобы охранять душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать неповрежденною духовную красоту. Стройность походки, сплетеніе кудрей, намащеніе волосъ, драгоценность одеждъ, красота драгоценныхъ камней—все это можетъ привести душу въ смятеніе. Избѣгнувъ этихъ сѣтей, многіе впадаютъ въ другія: неприбранные волосы, грязная одежда, грубое обращеніе, несвязная рѣчь»...

Характеризуя книгу «О священствѣ», св. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ въ письмѣ къ Евстафію: «Я посылаю тебѣ книгу, которую ты у меня просилъ, и желаю, чтобы она принесла тебѣ столько же добра, сколько приносила повсюду. Читеніе этой книги, проникая въ душу, уязвляетъ ее божественною любовью. Іоаннъ, этотъ мудрецъ, ученый толкователь таинъ Божіихъ, свѣтильникъ для всѣхъ церквей, написалъ эту книгу съ такимъ благоразуміемъ и тщаніемъ, что всѣ, какъ тѣ, которые для распространенія славы божественной исполняютъ обязанности священства, такъ и тѣ, которые совершаютъ эти обязанности съ небреженіемъ, найдутъ въ ней—одни пищу для своего благочестія, другіе—побужденіе къ исправленію своихъ поступковъ».

Имѣя въ виду послужить Церкви, Іоаннъ удалился въ пустыню, чтобы закалить себя подвигами и освободиться отъ немощей, которыя мѣшаютъ пастырскому служенію ¹⁾. Въ пустынѣ его ожидали товарищи Максимъ и Теодоръ,—тотъ самый Теодоръ, который оставилъ было монашество и ушелъ въ міръ, соблазвившись красотой одной дѣвицы; но Іоаннъ написалъ ему огненное посланіе и этимъ заставилъ Теодора раскаяться и вернуться къ пустынножителству. Отправляясь въ монастырь, Іоаннъ всей душой жаждалъ подвига, но въ пустынѣ ждало его искушеніе. Ничѣмъ ненарушимое уединеніе наполнило ужасомъ душу, полную жизни. Ему захотѣлось оставить пустыню, но онъ поборолъ себя и, поступивши въ монастырь, во главѣ котораго стоялъ Діодоръ Тарсійскій, отдалъ себя духовному руководству одного старца, «чтобы черезъ отреченіе отъ своей воли и безусловную покорность водительство другого безъ препятствія достигнуть совершенства смиренія, которое есть основаніе всякаго нравственнаго совершенства».

Интересно познакомиться вообще съ образомъ жизни пустынниковъ, жившихъ на лѣсистыхъ холмахъ, окружавшихъ Антиохію. Это

¹⁾ Въ это время матери Анеусы уже не было въ живыхъ.

знакомство мы почерпаемъ изъ бесѣды Іоанна Златоуста. «Пустынники, — говоритъ Златоустъ, — едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, поднимаются съ ложа и поютъ гимны Богу. Пропѣвши свои пѣсни, съ колѣнопреклоненіемъ призываютъ прославленнаго Бога на помощь въ дѣлахъ. Послѣ этого одинъ беретъ Исаію, другой бесѣдуетъ съ апостолами, иной читаетъ о другихъ предметахъ духовныхъ. Все это сладко, пріятно и исполнено духовнаго благоуханія. Иные занимаютъ рукодѣліемъ и трудами рукъ своихъ приобрѣтаютъ необходимое для бѣдныхъ, потому что они любятъ нищихъ и увѣчныхъ и за ихъ столомъ всегда много такихъ гостей; одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водить слѣпому, иной носить безногаго. У пустынниковъ не только одна пища, одна одежда, но и одна душа по любви, и потому они ^{не} гордятся одинъ предъ другимъ. Разговоръ ихъ всегда исполненъ спокойствія и смиренномудрія. Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, ибо въ пищу употребляется только хлѣбъ и вода. Если же хотятъ приправить пищу, то овощи составляютъ лакомство. Многимъ постелью служить только трава, небо вмѣсто покрывала и луна вмѣсто свѣтильника. Они презираютъ пышное одѣяніе, какъ паутину. Въ теченіе дня, въ опредѣленные часы, они собираются на общую молитву, называющуюся часами третьимъ, шестымъ и девятымъ и вечернею».

Въ глуши пустыни, въ иноческой обители, прожилъ Іоаннъ «четыре года, проводя время въ молитвѣ, въ дѣлахъ самоумерщвленія. Онъ изучалъ слово Божіе подъ руководствомъ Діодора и особенное стараніе прилагалъ къ познанію самого себя. Всѣми силами стремился къ высшему совершенству, онъ все болѣе и болѣе увеличивалъ подвиги самоумерщвленія, постъ, тѣлесныя труды и ночныя бдѣнія. Такимъ образомъ св. Златоустъ, подкрѣпляемый всемогущею силою благодати, воодушевляемый примѣромъ святой жизни многихъ подвижниковъ, подобно кораблю въ открытомъ морѣ при попутномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ, быстро шель путемъ нравственнаго усовершенствованія».

Но не удовольствовавшись монастырскимъ подвигомъ, Іоаннъ удалился въ уединенную пещеру, которая находилась въ довольно большомъ разстояніи отъ монастыря, среди скалъ, въ необитаемомъ мѣстѣ. «Одному Богу извѣстно, — говоритъ Агапий, — тѣ подвиги, какіе онъ тамъ совершалъ, всѣ труды, кои подъялъ, всѣ скорби, кои испыталъ, и та пламенная молитва, которую возносилъ къ небу». Въ этой глубокой, мрачной пещерѣ Іоаннъ провелъ два года, не имѣя ни постели, ни стула, ни стола, питаясь однимъ хлѣбомъ, приносимымъ ему другомъ. Онъ засыпалъ, опираясь на стѣну пещеры.

Здоровье его не выдержало, силы сломились, дальнѣйшій подвигъ становился невозможнымъ, да и душа, укрѣпленная пустынно-